Цѣна 10 коп.

10-й комплектъ № 196.

№ 196

Солдатская библіотека

По общей воинской повинности.

Изданіе В. А. Березовскаго

Допущено Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просв. въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

К. И. Соловьевъ.

ПО ОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ.

ПОВѢСТЬ.

Изданіе 2-е.

ОДОБРЕНО Цирк. Главн. Шт. 1903 г. № 104 и ДОПУЩЕНО Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. въ учен. библіотеки низш. училищъ, въ безплатн. народ. читальни и библіотеки.

Издалъ В. Березовскій

Комиссіонеръ Военно-Учебныхъ заведеній.
С.-Петербургъ, Колокольная ул., № 14.

1177.

Дозволено цензурою. Спб., 12 октября 1904 г.

Типографія Э. Арнгольда, Литейный просп., № 59.

ПО ОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Прямая, какъ стрѣла, тянется большая шоссейная дорога. Это наша первая русская веселая дорога, которая дала возможность въ сырую весну и ненастную осень ѣздить, не рискуя завязнуть въ болотѣ. Это та самая дорожка, по которой мужички, въ простотѣ сердца своего, первоначально ни за что не соглашались ѣздить, такъ что понадобилось распоряженіе властей—заставить мужика по-неволѣ ѣздить шоссейною дорогой. И вотъ, потянулись обозы съ кладями, поскакали тройки съ пассажирами, зазвенѣли колокольчики, разнеслась русская ямщицкая пѣсня,—та прелестная пѣсня, о которой сказано:

«Что то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика,
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...»

Жить при шоссейной дорогѣ и ѣздить по шоссе было очень весело. Никому не снилось, никому не видѣлось, что у «каменки» явится сильный врагъ, уничтожитъ шоссе въ пухъ и прахъ, отниметъ промыселъ у извощиковъ, заставитъ дворниковъ сломать свои полуверстовые постоялые дворы, а ямщиковъ заставитъ слѣзть съ залихватскихъ козелъ, скинуть шляпу съ павлиньимъ перомъ, носимую на бекрень, надѣть старый картузишко и бродить за сохой, этой неизмѣнной, вѣчной, не легкой, но прочной кормилицей крестьянской...

У прямой, ровной и укатанной «каменки» явилась врагомъ тощенькая и извилистая, но могучая и быстрая «чугунка», которая прошла то рядомъ съ каменкой, какъ братъ съ сестрой, то перерѣзала пополамъ шоссейную, какъ уже отжившую свой вѣкъ, дорогу, то изогнулась, какъ змѣя, и пошла отъ каменки далеко-далеко, какъ-бы думая про себя: «не нагнать тебѣ меня, каменка!»

Да, «чугунка» не только обогнала «каменку», но и отняла работу у извощиковъ, прекратила добычу ямщиковъ и лишила лакомаго куска ожирѣвшихъ дворниковъ. Не встаетъ теперь на шоссейной дорогѣ лихой ямщикъ съ полночи и не поетъ онъ пѣсни про ясныя дѣвичьи очи.

Замолкъ колокольчикъ—«даръ Валдая», и не гудитъ онъ уныло подъ дугой. Всѣ села и деревни, лежащія при шоссе, какъ будто осиротѣли по проведеніи желѣзной дороги. Зато появились на Руси, станціи, полустанціи, роскошные вокзалы, засвистѣли паровозы, загремѣли колеса вагоновъ, появились машинисты, завелись кондукторы. Явилась новая дорога, — не замедлили явиться и новые порядки, новые обычаи...

Печально, даже жалостно стоитъ большое пришоссейное село Вороново, съ тремя стами домовъ и съ тысячью жителей. Судя по величинѣ пятистѣнныхъ двухъэтажныхъ домовъ, по большей части съ свѣтлицами и причудливыми антресолями, по нагнувшимся на бокъ отъ старости и уже обросшимъ мохомъ тесовымъ крышамъ—видно, что обитатели Воронова живали на широкую ногу, видали виды и имѣли денежки. Но счастливая пора вороновцевъ миновала; чугунка подсѣкла ихъ легкій промыселъ. Впрочемъ, и въ Вороновѣ не всѣ бѣдствуютъ,— степенные крестьяне и оброкъ платятъ, и живутъ исправно, хотя не такъ богато, какъ жилось имъ до «чугунки». Но есть въ Вороновѣ

счастливецъ, для котораго и съ чугункой не наступилъ великій постъ, а безъ перерыва тянется масляница. Счастливецъ живетъ, какъ сыръ въ маслѣ катается. Домъ у него выкрашенъ сѣрою краской, покрытъ желѣзомъ, окруженъ палисадникомъ съ сиренью и акаціей; самъ счастливый владѣтель богатаго дома одѣвается въ длинный суконный сюртукъ, жена носитъ шерстяныя по буднямъ и шелковыя по праздникамъ платья и кофты, а дѣти одѣваются въ разноцвѣтные пиджаки, надѣваютъ въ церковь крахмаленное бѣлье, изъ подъ котораго выглядываетъ красная плисовая рубашка съ косымъ воротомъ. Зовутъ вороновскаго счастливца всѣ по имени и отчеству: Фирсъ Максимовичъ; мужички Фирсу низко кланяются при встрѣчѣ, а становой подаетъ ему руку. Самъ Фирсъ Максимычъ держитъ себя по-купечески, а дѣти стараются казаться барами, хотя сейчасъ-же видно, какого они поля ягода, такъ какъ шила въ мѣшкѣ не утаишь, говоритъ пословица.

II.

Фирсъ Максимовичъ Обуховъ, такъ сказать, «столбовой» дворовый человѣкъ. Отецъ его, дѣды и прадѣды были дворовыми у знамени-

тыхъ богатыхъ князей. Фирсъ тоже состоялъ при князѣ своемъ, молодомъ помѣщикѣ, и пользовался особымъ княжескимъ расположеніемъ. Неглупый отъ природы, ловкій, исполнительный, Обуховъ, пріобрѣтая довѣріе князя, держалъ себя гордо предъ остальною княжескою дворней,—дворовые его побаивались и съ пятнадцати лѣтъ величали по имени и отчеству; а въ двадцать пять лѣтъ Обуховъ былъ назначенъ управляющимъ всѣхъ княжескихъ имѣній, сдѣлался полнымъ властелиномъ въ имѣніяхъ князя, такъ какъ самъ князь оставилъ деревню и переѣхалъ на службу въ столицу.

Вступивъ въ управленіе княжескими имѣніями, Обуховъ, какъ самъ онъ выражался, держалъ крестьянъ въ ежевыхъ рукавицахъ, но не столько заботился о доходахъ князя, сколько о своемъ собственномъ карманѣ.

По отъѣздѣ князя въ Петербургъ, чрезъ Вороново прошла шоссейная дорога, которая въ скоромъ времени однихъ изъ крестьянъ обогатила и дала возможность выстроить по нѣскольку крытыхъ тесомъ двухъэтажныхъ домовъ, а другихъ, не смотря на строгость «управителя», пріучила къ пьянству, игрѣ въ карты и другимъ порокамъ, такъ легко прививающимся ко всякому человѣку, когда ему легко, почти безъ

труда, даются деньги. Какъ только прошла чрезъ Вороново «каменка», Фирсъ Максимовъ первый выстроилъ большой домъ и громаднѣйшій постоялый дворъ и жилъ себѣ припѣваючи. Да и прочіе вороновскіе мужики не знали особой нужды: «каменка» поила и кормила всѣхъ. Князь въ имѣніе не пріѣзжалъ, а по дѣламъ писалъ управляющему.

Обуховъ, въ свою очередь, доносилъ князю о житьѣ крестьянъ, о промыслахъ крестьянскихъ и, чтобы показать свое усердіе къ князю, предлагалъ: не угодно ли будетъ его сіятельству надбавить на крестьянъ оброку. Князь крестьянъ любилъ, стѣснять ихъ прибавкою оброка не хотѣлъ, а Обухову писалъ, чтобы онъ отнюдь крестьянъ не обижалъ. Получивши письмо отъ князя, «управитель» созывалъ деревню и читалъ, для назиданія крестьянъ, письмо помѣщика, но только такъ, что если бы самъ князь услыхалъ, что читаетъ управляющій, то ни за что не узналъ бы своего письма.

Князь писалъ Обухову:

«Обуховъ! Я очень радъ, что крестьяне мои умѣютъ заработать деньгу на нужду. Передай имъ мое спасибо за исправность въ оброкѣ, котораго я увеличивать не намѣренъ. Богъ съ

ними! Пусть работаютъ и живутъ безъ нужды. Крестьянъ, Обуховъ, обижать не смѣй.

Князь N.»

Получивши письмо, управляющій читалъ такъ:

«Обуховъ! Я очень радъ, что ты умѣешь управлять крестьянами. Безъ тебя они, дурачье, ничего бы не промыслили. Я хотѣлъ-было надбавить оброкъ, но, въ уваженіе твоего ходатайства, свое намѣреніе откладываю. Держи крестьянъ строже какъ можно, распоряжайся ими какъ знаешь, розогъ не жалѣй,—въ рощѣ ихъ много у меня.

Князь N.»

Прочитавши письмо, Фирсъ Максимычъ старался пояснить крестьянамъ, что онъ, управляющій, ихъ отецъ, благодѣтель и покровитель, хотя по временамъ и бываетъ строгъ, но мужика нельзя не учить уму-разуму. Народъ, расходясь по домамъ, разсуждалъ между собой: «А и правду управитель то хоть строгъ-то строгъ, а все предъ княземъ-то нашу руку тянетъ, спасибо...»

Такъ-то, отецъ и благодѣтель, вороновскій управитель Фирсъ Максимычъ Обуховъ жилъ, не думая ни о чемъ въ свѣтѣ тужить, и не помышлялъ, что его власти надъ крестьянами

минетъ конечный часъ. Но на свѣтѣ Божіемъ все имѣетъ конецъ...

III.

Много времени минуло съ тѣхъ поръ, какъ Фирсъ Максимычъ началъ управлять княжескимъ имѣніемъ. Не мало времени вороновскій управитель держалъ въ ежевыхъ рукавицахъ вороновскихъ крестьянъ. Не одинъ разъ красное лѣто смѣнялось ненастною осенью, холодная зима—теплою, пріятною весной. Не одну тысячу разъ восходило и заходило красное солнышко. Не одну тысячу разъ день смѣняла ночь, а темную ночь—свѣтлое утро... Но вотъ пришелъ такой день, какихъ ни самъ Фирсъ Максимычъ, ни вороновскіе крестьяне не видывали. Этотъ день не забудутъ ни русскій народъ, ни исторія русская. День этотъ настолько радостенъ, что онъ уже не можетъ повториться въ жизни русскаго народа.

Въ одинъ воскресный, морозный, зимній день, въ Вороновѣ происходило необыкновенное движеніе. Дѣды, бабушки, отцы, матери, сыновья, дочери, старый и малый—шли въ церковь Божію... Вотъ, святой храмъ биткомъ набитъ богомольцами,—какъ говорятъ, негдѣ яблоку упасть.

Обѣдня кончилась, но никто не двигается съ мѣста; чего-то какъ будто ждутъ. И вотъ выходитъ священникъ на амвонъ, развертываетъ печатный листъ бумаги и начинаетъ громкимъ, хотя и старческимъ, но яснымъ голосомъ читать манифестъ объ освобожденіи крестьянъ.

Священникъ читалъ долго, но тысячная толпа стояла какъ вкопанная; слышно было бы, если бы муха пролетѣла. Всѣ слушали чтеніе, притая дыханіе.

«Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго».

Старый, бѣлый какъ лунь, отецъ Сергій, произнесши послѣднія слова манифеста, палъ на колѣни, а за нимъ и вся церковь...

Что это такое?.. «Воля, братіе мои, волю, свободу даровалъ вамъ Государь-батюшка!» «Воля, воля...» пронеслось по церкви... «Возлюбленные братіе, возблагодаримъ Господа, помолимся Царю Небесному за Царя земнаго, даровавшаго вамъ въ день сей давно жданную свободу!»

Весело выходитъ свободный народъ изъ церкви Божіей; одинъ поздравляетъ другаго съ дарованною волей; другъ съ другомъ цѣлуются;

дѣти прыгаютъ и радуются, смотря на родителей. Старики отъ радости плачутъ, что имъ Богъ привелъ дожить до такого дня. Одинъ Фирсъ Максимычъ идетъ изъ церкви сумрачный; лисья шуба свалилась съ плечъ у него: такъ и видно, что управляющій не въ духѣ. Но духъ его теперь уже никому не страшенъ...

— Погодите, сопьетесь съ кругу, говорилъ ликующему народу Фирсъ Максимычъ.

— Ну, это видно будетъ, еще что Богъ дастъ, отвѣтилъ Обухову хорошо одѣтый крестьянинъ.— А вотъ спѣси вашей, Фирсъ Максимычъ, такъ посбавится— это ужъ будетъ такъ.

За такую дерзость Обуховъ высѣкъ бы крестьянина; но власть пороть миновала, и Фирсъ Максимовъ ничего не отвѣтилъ, а только гнѣвно и злобно повелъ своими очами изъ-подъ нависшихъ густыхъ бровей.

IV.

Года три спустя по уничтоженіи крѣпостнаго права, когда мужички совсѣмъ уже привыкли къ волѣ и, пользуясь ею, привыкли къ кабаку, какъ зло предсказалъ Фирсъ Максимовъ, надъ Вороновымъ, да и не надъ однимъ имъ, разразилась чистая бѣда, совершенное горе. Горе это

не что иное, какъ проведеніе желѣзной дороги. Грузъ, пассажировъ,—все отбила «чугунка» у «каменки». Извощики и ямщики, лишившись лакомаго куска, не знали, что и дѣлать. Къ чайку и водкѣ привыкли, а добыча прекратилась,—за соху браться неохота. Прежде всего запроданы были лошади и экипажи. Деньги, разумѣется, прожились очень скоро, а мужички остались ни съ чѣмъ. Многіе изъ вороновскихъ крестьянъ разбрелись по фабрикамъ и начали коротать съ своими семьями жизнь бродячую, цыганскую, пополамъ съ проголодью.

Бывшій вороновскій управитель не робѣлъ и не падалъ духомъ. Какъ скоро прекратилась по шоссе ѣзда, Фирсъ Максимычъ сломалъ громадный дворъ и на мѣсто его выстроилъ довольно помѣстительный трактиръ «съ продажею питей распивочно и на выносъ». Вороново село большое, и торговля у Обухова шла довольно бойко. Притомъ у бывшаго управителя, говорили крестьяне, сами куры денегъ не клюютъ. А съ деньгами жить можно... Одно только плохо: чувствовалъ въ себѣ перемѣну Фирсъ Максимычъ... «Время должно быть приходитъ, начинаю старѣть», говорилъ Обуховъ.

Время... Не большое слово, но великія дѣла дѣлаетъ время. Время лучше всякаго доктора

излечиваетъ человѣка отъ горя. Время раститъ и старѣетъ человѣка. Время приноситъ намъ дни и ночи; оно же даетъ намъ и радость, и горе. И мчится времячко дорогое быстрѣе стрѣлы, если счастливо живется человѣку,—и тянется оно такъ медленно, медленно, какъ будто бы нѣтъ ему и конца, если горе душитъ и мучитъ человѣка. И ни на какія тысячи, ни на какіе милліоны не купить никому ни одной секунды времени. Каждая минута, каждая секунда, канувшая въ вѣчность, невозвратима. Минута прошла—и не воротишь ее во вѣки вѣковъ. Какъ сказанное слово не можемъ уничтожить, развѣ забудемъ его, такъ и прошедшую минуту не можемъ вырвать изъ вѣчности, развѣ забудемъ ее. Иной желаетъ, чтобы время мчалось быстрѣе; другой не замѣчаетъ, какъ оно летитъ. А время идетъ да идетъ своимъ чередомъ, не обращая вниманія на наши желанія. И посмотрите, что дѣлаетъ время съ людьми: дѣйствительно, какъ говорятъ, время стараго старѣетъ, а малаго раститъ.

Вотъ, на высокихъ пуховикахъ, въ красной рубашкѣ, перепоясанный по тучному животу шелковымъ поясомъ, лежитъ лысый, сѣдой и обрюзглый мужчина съ затекшими отъ жира плутовскими глазами, и думаетъ, какія пере-

мѣны произвело въ немъ безпощадное время. Съ лукавой улыбкой припоминаетъ тучный старикъ свою золотую молодость, какъ онъ, въ свое время, властвовалъ надъ дворовыми дѣвушками. Что за красавицы были тѣ дѣвушки! А гдѣ онѣ теперь? Нѣтъ, уже ихъ нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ; сошли онѣ въ мать сырую землю. Да и тѣ, что остались въ живыхъ, не лучше мертвыхъ; ногами не ходятъ, а только двигаютъ, языкомъ не говорятъ, а только, вмѣсто словъ, шамкаютъ губами. Во рту одинъ—два зуба; на лицѣ веселый, молодой смѣхъ замѣнили мрачныя старческія морщины. И все это сдѣлало время. Думается потомъ старцу, какъ онъ управлялъ княжескимъ имѣніемъ, какъ предъ нимъ не смѣла пикнуть ни одна тварь. И какъ хорошо, безпечно и сытно жилось въ то время! Но вдругъ старческія мечты прерываются воспоминаніемъ о какомъ то темномъ дѣлѣ. Предъ глазами старика являются: громадный княжескій домъ, прекрасный садъ, обширный дворъ, а на дворѣ видитъ старикъ, какъ на яву, плачущую старушку, у которой Фирсъ Максимычъ, подъ сердитую руку, отправилъ единственнаго сына—подпору и кормильца своей матери—подъ красную шапку за какое то неосторожно сказанное слово про управителя...

Мечты и воспоминанія о прошедшемъ незамѣтно перевели мысль старика на настоящее. Фирсъ Максимыча вдругъ какъ будто бы ужалила пчела. Онъ быстро приподнялся на постели и вслухъ проговорилъ: «Пришло же времячко! Ну-ка я, Фирсъ Максимычъ Обуховъ, управляющій княжескихъ имѣній, съ какимъ нибудь мужичишкой-лапотникомъ ставь въ солдаты свое родное дѣтище... Выдумали какую то «общую воинскую повинность». Пусть что хотятъ выдумываютъ, а я только своего Ивана не отдамъ въ солдаты; ничего не пожалѣю, а на своемъ поставлю. И, съ рѣшеніемъ «поставить на своемъ», Фирсъ Максимычъ сошелъ со своей мягкой постели въ мрачномъ какомъ то воинственно буйномъ настроеніи духа.

V.

Фирсъ Максимычъ имѣлъ двухъ сыновей. Старшій, Григорій, былъ женатъ, а младшій, Иванъ, холостой парень. Онъ состоялъ «на очереди». Обуховъ имѣлъ нравъ крутой,—подъ сердитую руку упаси Богъ ему попасться. Сыновья боялись его пуще огня, а жена Фирса Максимыча, кроткая женщина, всю свою жизнь, съ перваго дня замужества съ Фирсомъ Максимы-

чемъ, все на цыпочкахъ ходила, какъ бы не разсердить «самого»; она и наряжалась въ шерстяныя и шелковыя платья только потому, что «самъ» не дозволялъ ей носить ситцевыя матеріи. Впрочемъ, время и съ характеромъ дѣлаетъ свое дѣло; гдѣ прежде Фирсъ Максимычъ оралъ на весь Божій свѣтъ, теперь началъ только ворчать; гдѣ, бывало, дастъ рабочему плюху, теперь только выругаетъ и махнетъ рукой.

Фирсъ Максимычъ чувствовалъ самъ, что онъ мягче сдѣлался, и ясно видѣлъ, что время его проходитъ, и какъ дѣятеля общественнаго, и какъ самовластнаго распорядителя въ его большомъ домѣ и немаловажномъ хозяйствѣ.

За буфетомъ въ трактирѣ распоряжался уже не самъ Фирсъ Максимычъ, а его старшій сынъ, Григорій Фирсычъ; счеты и разсчеты съ магазинами прежде велъ самъ Фирсъ Максимычъ, а теперь и это дѣло ему не подъ силу. Знаетъ старикъ, что Григорій втихомолку потаскиваетъ изъ выручки деньги и припрятываетъ ихъ отъ родителя, но и въ этомъ случаѣ молчитъ, сознавая свое безсиліе. Такова ужъ судьба человѣка: «что посѣешь, то и пожнешь». Управляя имѣніемъ князя, Обуховъ запускалъ свою руку въ чужой карманъ, а теперь въ его карманъ запускаютъ руку, да и запускаетъ то родной сынъ.

Второй сынъ Фирса Максимыча, Иванъ Фирсычъ, двадцатилѣтній тучный парень, недалекій по уму, малограмотный, но прекрасно наученный премудрости обмѣривать и обвѣшивать, съ ранняго утра до поздняго вечера торгуетъ въ лавкѣ и на свободѣ тоже искусно потягиваетъ лишніе рубли въ свою собственную пользу. По-деревенскому, Иванъ Фирсычъ считался завиднымъ женихомъ; одно только было неладно—что онъ состоялъ «на очереди». Это обстоятельство тревожило и Фирса Максимыча. Онъ никакъ не могъ примириться съ мыслью, о томъ, чтобы его родное дѣтище пошло въ солдаты.

— Бывало, любилъ отдавать крестьянъ въ солдаты, то и дѣло ставилъ «подъ красную шапку», говорили вороновскіе мужики про себя насчетъ Фирса Максимыча:—а теперь самъ попробуй отдай своего сына въ солдаты, и узнаешь, легко-ли будетъ родительскому сердцу.

Но Фирсъ Максимычъ не столько изъ жалости къ сыну, сколько изъ самолюбія не желалъ отдавать сына въ военную службу; а Иванъ Фирсычъ имѣлъ свои резоны не желать надѣть солдатскую аммуницію.

VI.

На краю Воронова стоитъ небольшой, въ три окна на улицу, новенькій, крытый тесомъ домикъ. Въ домикѣ этомъ живетъ не особенно богатый, но трезвый и степенный крестьянинъ Павелъ Кудѣлинъ. Кудѣлинъ не только въ Вороновѣ, но и во всей волости заслужилъ почетъ и уваженіе. Заговоритъ-ли что на сходѣ мірскомъ Кудѣлинъ—его слушаютъ, дастъ-ли совѣтъ кому—по его совѣту дѣлаютъ.

Жена Кудѣлина также женщина умная, разсудительная. Мужъ и жена живутъ между собой въ полномъ согласіи; поэтому у Кудѣлиныхъ и домъ держится въ порядкѣ. Любо-дорого взойти въ вымытую избу Кудѣлиныхъ, взойдешь и не узнаешь, что мужицкая изба. Какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ чистоту въ домѣ всегда наблюдаютъ женщины,—это бабье дѣло, говорятъ мужчины. И у Кудѣлина весь порядокъ по домашнему хозяйству наблюдаетъ жена Кудѣлина—Оксинья Ивановна, какъ ее величаютъ въ глаза и за глаза въ Вороновѣ. Оксинья Ивановна въ молодости была дворовою дѣвушкой и въ господскомъ домѣ научилась чистотѣ и опрятности.

Павлу Кудѣлину очень хотѣлось-бы имѣть

отъ Оксиньи Ивановны сынка; но Богъ далъ имъ всего только одну дочку Дуняшу. Какова, говорятъ, яблонька, таково и яблочко. У хорошихъ родителей хороши и дѣти, хотя, разумѣется, бываютъ и исключенія, бываетъ и наоборотъ. Но у Кудѣлиныхъ этого исключенія не было, Дуняша—дѣвушка скромная, умная, красивая. привѣтливая. «Ходитъ, точно лебедь плаваетъ, а поетъ пѣсни, что твой соловей майскій», говорили парни вороновскіе про Дуняшу Кудѣлину. Дуняшѣ уже осьмнадцатый годъ. Не одинъ глазъ жениховскій заглядывается на красавицу. Молодежь на гуляньяхъ въ праздники гурьбами толпится около Дуняши, расхваливаетъ то ея красоту неописанную, то голосъ диковинный. Дуняша всѣмъ улыбается, со всякимъ пошутитъ,—но ни съ кѣмъ не сближается.

Ужь за ней-ли, кажется, не увивается Иванъ Фирсычъ управителевъ, сынъ тысячника Фирса Максимыча Обухова,—того самаго управителя, предъ которымъ въ былое время «не смѣла пикнуть ни одна тварь?!»

Но не прельщаютъ Дуняшу ни тысячи, ни взгляды нѣжные, ни похвалы лестныя веселой вороновской молодежи. И это оттого, что сердце дѣвушки имѣетъ дружка, котораго Дуняша не промѣняетъ на весь Божій бѣлый свѣтъ. Одно

только горе Дуняши: милый дружокъ ея состоитъ на очереди въ солдаты. Осенью придется ему вынимать жребій... «А ну, какъ уйдетъ въ чужую сторону—забудетъ меня, или попадетъ подъ пулю на войнѣ?» думаетъ по-ночамъ Дуняша о дружкѣ своемъ, и ея молодое сердечко обливается алою кровью при мысли о будущемъ.

VII.

Въ будній осенній день по Воронову, съ гармоніей, пѣснями, съ пляскою и смѣхомъ, одѣвшись по праздничному, гуляютъ молодые ребята, одинъ другаго лучше, что называется, молодецъ къ молодцу. Это отгуливается молодежь напослѣдки. Многимъ изъ гуляющихъ молодцовъ мѣсяца черезъ два придется скинуть деревенскій полушубокъ, деревенскую синюю поддевку и надѣть военный мундиръ, сѣрую солдатскую шинель... Нечего бы, кажется, вороновскимъ молодцамъ бояться солдатской службы,—ребята они не изъ робкихъ, родились и выросли на большой дорогѣ, а не въ глуши гдѣ-нибудь; а подите—вѣдь все-таки чего-то страшно, все бы дома лучше.

— А что Иванъ Фирсовъ съ нами не гу-

ляетъ? обратился съ вопросомъ не то ко всѣмъ, не то ни къ кому одинъ изъ гулявшихъ парней.

— Пойдетъ-ли онъ съ нами гулять! Посмотри, какимъ бариномъ наряжается, точно и ни на есть кто. Погоди: попадетъ въ солдаты, такъ тамъ, братъ, спѣсь-то сшибутъ разомъ, отвѣтилъ другой парень.

— Да развѣ онъ попадетъ?.. Забракуютъ. Управитель-то извѣстно, какой проходимецъ.

— Ну, это какъ придется: забракуютъ, либо нѣтъ.

— Есть и почище нашего управителя купцы или дворяне, можетъ, тоже бы не пожалѣли денегъ, только забракуй, да нынѣ и деньгами-то ничего не подѣлаешь. Боятся брать въ присутствіи-то. Лекарь, вонъ, и не прочь бы взять, да самъ боится, говоритъ: изъ-за вашего брата въ Сибирь угодишь.

— Вонъ, лѣто-сь у Красавина въ городѣ взяли сына-то, а онъ ли ужь не богачъ? Милліонеръ...

Прерывая разговоръ, одинъ изъ гуляющихъ парней, бравый, красивый молодецъ, затянулъ заунывную, грустную пѣсню:

Ахъ, зачѣмъ ты, матушка,
Меня на бѣлый свѣтъ родила,

Ахъ, зачѣмъ ты, красна дѣвица,
Мою головушку вскружила!?

Парни подтянули, и разнеслась по всему селу заунывная, душу щемящая, могучая русская пѣсня, въ которой явно слышалась сердечная тоска поющихъ.

Красивый парень, затянувшій первый пѣсню, и есть милъ-сердечный другъ Дуняши Кудѣлиной. Зовутъ его Григорій Гальяновъ. Онъ средній сынъ Василья Петрова Гальянова, волостнаго старшины Вороновской волости.

Не будемъ говорить о томъ, какъ Гриша и Дуняша полюбили другъ друга. Въ деревнѣ дѣло это просто дѣлается. Сначала мальчикъ съ дѣвочкой росли вмѣстѣ, играли въ камешки, въ горѣлки, бѣгали вмѣстѣ на рѣчку купаться, ходили по ягоды, по грибы въ лѣсъ. Такъ было въ дѣтствѣ. Когда выросли, дѣтская дружба у обоихъ перешла въ крѣпкую, пламенную, безхитростную, прочную любовь. Не будь Гриша на очереди, Дуняша давно бы бросилась къ нему на шею, съ просьбой повѣнчаться въ храмѣ Божіемъ, чтобы жить до гробовой доски вмѣстѣ, душа въ душу. Но не все дѣлается по-нашему, счастіе дается не всякому сразу,—во всемъ нужно терпѣніе.

VIII.

«Дѣвушка гуляй, а дѣльце свое помни». Эта пословица одинаково приложима не только къ дѣвушкамъ, но и къ тѣмъ, съ кѣмъ особенно любятъ гулять дѣвушки и изъ за кого часто «забываютъ свое дѣльце»,—къ молодымъ мужчинамъ.

Сколько ни гуляли, сколько ни веселились, сколько не тѣшились на гармоникѣ, какія пѣсни ни пѣли вороновскіе «очередные» молодцы, а должны были помнить, что десятаго ноября имъ нужно явиться въ городъ «на жеребьевку». А это роковое десятое число такъ подкралось неожиданно, какъ будто бы воръ ночью. И вотъ, вороновская «очередная» молодежь, вмѣстѣ съ своими родителями, цѣлою гурьбой наканунѣ десятаго числа отправились въ городъ. Фирсъ Максимычъ съ своимъ сыномъ отправился въ городъ раньше,—«наканунѣ кануна» десятаго числа.

Бывшій управитель, пріѣхавши въ городъ, остановился не на постояломъ дворѣ, а въ «гостинницѣ», гдѣ, для пущей важности, онъ всегда останавливался, пріѣзжая въ уѣздный городишко. Приведши себя въ порядокъ, намазавши голову помадой, расчесавши бороду, въ новомъ сюртукѣ

и лисьей шубѣ, Фирсъ Максимычъ отправился къ начальствующимъ лицамъ хлопотать о забраковкѣ сына. Ходилъ старикъ до темной ночи, измучился до смерти, но ни у кого не заручился обѣщаніемъ помочь его горю. Одни изъ членовъ присутствія прямо отказывали Обухову, другіе и хотѣли бы помочь, но боялись строгой отвѣтственности. Такъ-таки ничего и не могъ подѣлать Фирсъ Максимычъ для своего дѣтища. Возвратился онъ въ гостинницу усталый, сердитый и, ни слова не говоря съ сыномъ, легъ въ кровать.

Между тѣмъ, городъ постепенно наполнялся массой разношерстнаго деревенскаго люда. Ѣхали въ городъ шубы, полушубки, кафтаны, кафтанишки, почтенныя, степенныя бороды и мужиченки съ бороденками,—всѣ везли съ собою сыновей на «жеребьевку». Кабаки, харчевни, постоялые дворы биткомъ набились пьяными, трезвыми, веселыми и печальными, достаточными и бѣдными, отцами и дѣтьми, пріѣхавшими въ городъ. Иные устали ждать открытія присутствія и отъ нечего дѣлать потягивали сивуху. Другіе терпѣливо ожидали этого дня и, разумѣется, дождались его.

Помѣщеніе уѣздной земской управы биткомъ набито городскимъ и деревенскимъ людомъ. Члены пріемной коммисіи въ полной парадной формѣ. Впереди стоитъ предводитель дворянства, за нимъ воинскій начальникъ, съ нимъ рядомъ исправникъ, затѣмъ уѣздный врачъ, секретарь и прочіе.

Соборный протоіерей съ соборными пѣвчими служитъ молебенъ предъ открытіемъ присутствія, а родители молятся за своихъ очередныхъ дѣтей. Вотъ, вся въ слезахъ старушка уперла свой взоръ на образъ Богоматери и шепчетъ, быть можетъ, не толково, но зато съ теплою, горячею вѣрой молитву Пр. Богородицѣ.

Какъ только кончился молебенъ, предсѣдатель объявилъ присутствіе открытымъ, и началось роковое выниманіе жеребья. Очередные, приписанные къ городскому участку, вынимали жеребьи первые, а за городскими слѣдовала Вороновская волость.

— Иванъ Фирсычъ Обуховъ, вызвалъ предсѣдатель, и къ столу, переваливаясь съ ноги на ногу, подошелъ сынъ Фирса Максимыча. По русскому обычаю, Обуховъ перекрестился и дрожащею рукой вынулъ нумеръ пятый. Сердце Ивана Фирсыча облилось кровью. Съ плачемъ управителевъ сынъ вышелъ изъ присутствія;

но самъ управитель не проронилъ ни одной слезы. Онъ только нахмурилъ свои брови, что указывало на его внутреннее волненіе, на тревожное состояніе его крутаго нрава.

Жеребьевка, между тѣмъ, шла своимъ чередомъ. Радовалась молодежь, вынувшая дальніе нумера; печалились тѣ, въ руку которыхъ попадалъ одинъ изъ первыхъ нумеровъ.

Гришѣ Гальянову, какъ и Ивану Обухову, не посчастливилось: Гриша, точно нарочно, вынулъ самый первый нумеръ. Не слыхалъ Гриша, какъ жалѣли его родные, какъ плакала его мать: всѣ мысли, всѣ думы его сосредоточивались на одной Дуняшѣ Кудѣлиной—что съ ней безъ него будетъ и останется ли она ему вѣрною во время продолжительной разлуки...

Принятые на службу новобранцы уволены были на мѣсяцъ домой, до времени отправленія въ назначенныя военныя части. Гриша, вмѣстѣ съ вороновскими новобранцами, отправился въ свое село, гдѣ его съ нетерпѣніемъ день и ночь ожидала, высмотрѣла всѣ свои голубые глаза, поджидая, Дуняша Кудѣлина.

IX.

— Что, сердечный, забрили? былъ первый вопросъ со стороны Дуняши къ Гришѣ, какъ

только онъ, улучивъ свободную минутку, изъ слезныхъ объятій родной матери очутился въ объятіяхъ родной и дорогой его сердцу Дуняши.

— Да, Дуняша, забрили. Теперь прости, голубка, не поминай лихомъ, когда вспомнишь обо мнѣ. Не скучай, родная,—видно ужь судьба наша такая.

— Больно мнѣ жаль тебя, родной мой, все сердце изныло...

— Авось какъ нибудь тоска пройдетъ, понемножку привыкнешь къ разлукѣ; словами да слезами дѣлу не поможешь.

— А что, Гриша, ты меня забудешь, или нѣтъ? Будешь жить въ городѣ, можетъ, полюбишь городскую?

— Нѣтъ, Дуня, не говори, родная, этого; я забыть тебя никогда не забуду и не промѣняю ни на кого на свѣтѣ Буду служить—отслужу свой срокъ... Я вѣдь «на правахъ»... Четыре года пройдутъ какъ нибудь, ворочусь, и, Богъ дастъ, заживемъ вмѣстѣ. Такъ-ли?

Молодая дѣвушка обхватила обѣими руками шею Гриши и съ улыбкой, сквозь слезы, расцѣловала его.

Каждый Божій день Гриша видался съ Дуняшей въ теченіе мѣсячнаго отпуска; но день за днемъ не шелъ, а летѣлъ, и Гриша не замѣ-

тилъ, какъ подкатился роковой день отправленія въ городъ, а оттуда и въ полкъ.

— Золотой мой, говорила, со слезами на глазахъ, мать Гриши, укладывая ему бѣлье на службу и сдобныя лепешки на дорогу:—и не погулялъ ты у насъ ничего! Другіе ребята изъ трактира не шли, а ты почти не ходилъ и въ трактиръ-то, сердечный, да и дома-то ни пилъ, ни ѣлъ.

Вороновскіе новобранцы, дѣйствительно, живмя-жили въ трактирѣ Обухова: пили, плясали, дурачились, съ-пьяну рвали гармоніи, били посуду и вообще куражились досыта, сколько хотѣлось, а родители за куражъ своихъ дѣтей безропотно платили трудовыя деньги.

X.

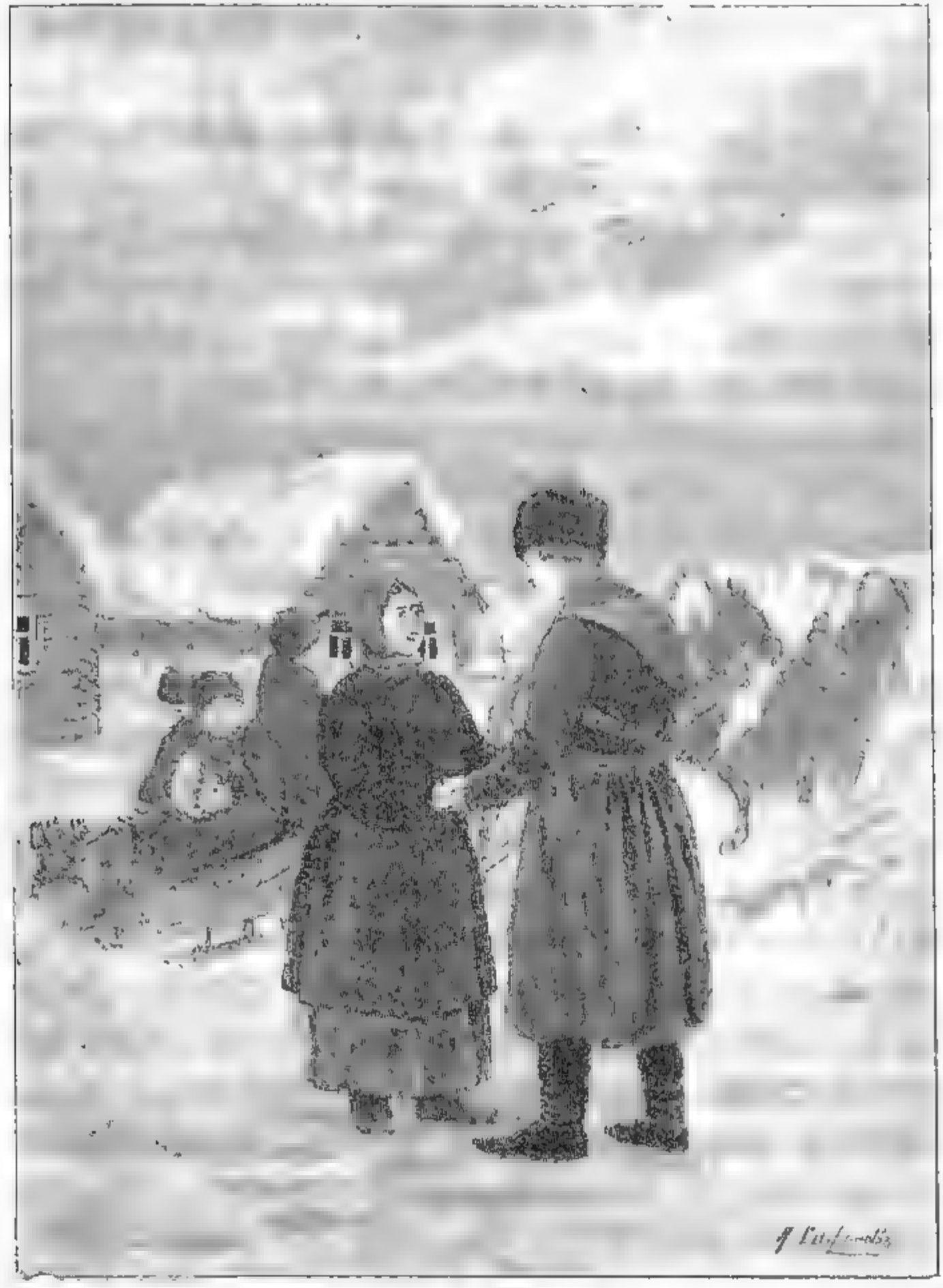
День выступленія новобранцевъ изъ деревни всегда составляетъ цѣлое событіе въ деревенской глуши; въ этотъ день вся деревня бываетъ на ногахъ, отъ стараго до малаго. Такъ было и въ Вороновѣ.

Новобранцы изъ деревни выступали пятнадцатаго декабря. Оставляя своихъ родителей, близкихъ своему сердцу существъ, молодые люди оставляли свою работу, свой обычный образъ

жизни, свою одежду, свою пищу, словомъ—все, къ чему съизмала привыкли, и должны были идти туда, куда прикажутъ, сдѣлаться тише воды, ниже травы, а гдѣ нужно—и свирѣпѣе разъяренаго льва, проворнѣе птицы.

Изъ Воронова новобранцы выѣзжали всѣ вмѣстѣ и всѣ трезвые. Не мало было пролито слезъ: плакали всѣ—и родные, и знакомые, старые и малые, иные по родственному чувству, отъ жалости, а другіе и такъ, смотря на другихъ плачущихъ. Гриша и Дуняша не плакали: онъ крѣпился, а она по ночамъ выплакала всѣ слезы. Прощаясь съ родными и знакомыми, провожавшими новобранцевъ версты за три за Вороново, Гриша оставилъ самый крѣпкій, послѣдній поцѣлуй на губахъ Дуняши, которая безмолвно, съ грустью въ сердцѣ, возвратилась подъ родительскій кровъ, а Гриша съ своими товарищами и родными, этими неизмѣнными соучастниками въ горѣ и радости своихъ кровныхъ дѣтей, мало-по-малу приближался къ городу. Изъ всѣхъ вороновскихъ новобранцевъ только Иванъ Фирсычъ Обуховъ отсутствовалъ: управитель самъ повезъ сына отдѣльно отъ простыхъ крестьянъ.

Въ городѣ новобранцы пробыли всего два дня. Здѣсь раздѣлили ихъ на партіи и назна-



... Изъ Воронова новобранцы выѣзжали всѣ вмѣстѣ...

чили въ военныя части. Новобранцы изъ Воронова назначены были всѣ въ одинъ полкъ. Простившись съ родителями, подъ командою унтеръ-офицера отправились вороновскіе молодцы по чугункѣ за тысячу верстъ отъ родины, въ незнакомый городъ, на новую службу. Не избѣгъ этой участи и Иванъ Фирсычъ и, вмѣстѣ съ земляками, поѣхалъ на царскую службу. Земляки сначала подшучивали надъ Иваномъ Фирсычемъ. На шутки сынъ управителя отвѣчалъ бранью, но видя, что бранью ничего не подѣлаешь, замолчалъ. Замолчали тогда и товарищи.

Въ первую зиму служба молодого солдата ограничивается заучиваніемъ титуловъ начальниковъ, названіемъ военныхъ частей, заучиваніемъ молитвъ, сборкою и разборкою ружья, знаніемъ ружейныхъ пріемовъ и усвоеніемъ прочихъ незначительныхъ, но весьма утомительныхъ для деревенскаго парня военныхъ артикуловъ.

Въ душныхъ казармахъ при новой обстановкѣ, при строгости жизни, первая зима для новобранцевъ кажется и продолжительною, и утомительною. Въ былое время, на вольныхъ квартирахъ по деревнямъ, солдатику гораздо легче было: хозяюшка и напоитъ, и накормитъ; иная и бѣлье помоетъ, и въ баню помыться пуститъ. Теперь совсѣмъ иное дѣло: въ казармѣ

встань во-время, ложись во-время, ѣшь во-время, одѣвайся во-время, становись на повѣрку въ свою пору. Все это, разумѣется, хорошо—пріучаетъ человѣка къ порядку, но только на первыхъ порахъ службы такой порядокъ для деревенскаго парня совсѣмъ не по вкусу.

Худо ли, хорошо ли, весело ли, скучно ли, легко ли, трудно ли, но вороновскіе ребята прожили зиму въ казармѣ, а весною выступили въ лагерь, и вотъ здѣсь-то началась настоящая солдатская служба. Сегодня ученье, завтра смотръ; сегодня на стрѣльбу, завтра на маневръ; сегодня не оставляетъ сухой нитки дождь, завтра солнце печетъ смертельно и не оставляетъ сухой нитки отъ пота; сегодня репетиція къ смотру, а завтра самый смотръ. Правда, житье не скучное, но и не легкое. Думать о деревнѣ некогда. Въ зимнее время, въ казармѣ, Гриша, когда его товарищи засыпали мертвецкимъ сномъ, не смыкалъ своихъ глазъ и длинныя ночи думалъ о Дуняшѣ, этой родной, роднѣе для него отца и матери, любимой дѣвушкѣ, тогда какъ въ лагерное время, отъ смертельной усталости, засыпалъ молодой солдатъ тѣмъ самымъ крѣпкимъ, сладкимъ сномъ, какимъ спятъ, послѣ трудной работы, здоровые люди, и дума о молодой дѣвушкѣ у Гриши нѣсколько ослабла. Вмѣсто прелестнаго образа

любимой дѣвушки, солдатику во снѣ начали видѣться военныя ученья: то маршировка, то церемонія, то стрѣльба; но при всемъ этомъ Гриша не переставалъ любить Дуняшу, не промѣнялъ ее на городскихъ дѣвушекъ.

XI.

Не одинъ Гриша думалъ о Дуняшѣ Кудѣлиной, не одинъ онъ не могъ забыть ея: Иванъ Фирсычъ Обуховъ, сынъ вороновскаго управителя, не знаемъ, любилъ-ли Дуняшу, по крайней мѣрѣ имѣлъ сильное желаніе и непремѣнное намѣреніе жениться на ней. Но исполненію этого намѣренія до поступленія на службу препятствовалъ Гриша: Обуховъ хорошо зналъ, что Дуняша не пойдетъ за него, и зналъ, что главною причиной этому служитъ Гриша Гальяновъ.

Былъ ли на ученьѣ, лежалъ ли въ палаткѣ, шелъ ли въ городъ, Обуховъ только и думалъ о томъ, какъ бы освободиться отъ солдатской службы, къ которой онъ никакъ не могъ привыкнуть, и какъ бы возвратиться въ Вороново, гдѣ ему уже не будетъ препятствія жениться на Дуняшѣ. Около этого вопроса сосредоточивались у Ивана Обухова всѣ думы, всѣ мысли. Не мало думалъ Обуховъ о томъ, какимъ бы

манеромъ освободиться отъ противной службы; но объ этомъ легко думать, но нелегко привести думу эту въ исполненіе. У Обухова, просто, опускались руки; онъ не зналъ, что сдѣлать, что предпринять, лишь бы освободиться отъ службы и возвратиться на родину. Найти «снадобья», чтобы «попортить» себя, что иногда дѣлаютъ въ деревняхъ? Но на службѣ не въ деревнѣ,—думалъ управителевъ сынъ: здѣсь какъ разъ угодишь подъ судъ за «членовредительство». Это Обуховъ зналъ и, не находя иного средства, рѣшился на ужасное дѣло—рѣшился прострѣлить себѣ ногу, рѣшился изувѣчиться, чтобы только оставить военную службу.

Мысль изуродовать себя охватила все существо Обухова. Не обращая вниманія на то, какія послѣдствія могутъ произойти отъ «изувѣченья», Иванъ Фирсычъ представлялъ себѣ только одну картину пріятной жизни въ богатомъ родительскомъ домѣ, вмѣстѣ съ молодою красавицей Дуняшей, на которой онъ, какъ думалъ, могъ жениться. Обухову, какъ на яву, представлялась та животная жизнь съ молоденькою женой, которою способенъ жить сытый, глуповатый, неимѣющій заботъ деревенскій парень.

Какъ ни пріятны были мечты Обухова, какъ

ни желалъ онъ избавиться отъ службы, какъ ни тянуло его въ деревню, но все-таки выстрѣлить въ себя дѣло не такъ-то легкое, и не одинъ разъ Обуховъ приставлялъ къ своей ногѣ дуло солдатскаго ружья, но выстрѣлъ всегда откладывалъ до будущаго раза. Къ несчастію Обухова насталъ и этотъ ужасный разъ.

Однажды вечеромъ, когда уже стемнѣло, близъ одной солдатской палатки раздался ружейный выстрѣлъ, вслѣдъ за которымъ, обливаясь кровью, упалъ на землю рядовой Обуховъ. Ударъ, сдѣланный въ упоръ, раздробилъ кость ноги, у Обухова потемнѣло въ глазахъ, зашумѣло въ головѣ, и подъ вліяніемъ ужаснѣйшей, нестерпимой боли, не надѣясь больше жить на Божьемъ свѣтѣ, несчастный разсказалъ сбѣжавшимся товарищамъ цѣль своего выстрѣла.

По распоряженію дежурнаго офицера, перевязавши раздробленную ногу, Обухова полумертваго отправили въ военный госпиталь, гдѣ онъ не одинъ десятокъ дней, не одинъ десятокъ ночей отъ сильной боли не могъ сомкнуть глазъ, не могъ поворотиться, не могъ пошевелить раздробленною ногой, которую, за невозможностью излѣчить, пришлось отпилить.

Такъ-то рядовой Обуховъ изъ здороваго парня

сдѣлался одноногимъ калѣкой и преданъ былъ, за членовредительство съ цѣлію уклоненія отъ службы, военно-окружному суду.

XII.

Въ залѣ военнаго офицерскаго собранія помѣщается временное отдѣленіе военно-окружного суда. Предсѣдатель и члены суда въ парадной формѣ. При входѣ въ залъ, у правой стѣны, поставлена рѣшетка; близъ рѣшетки сидитъ молодой защитникъ; на противоположной сторонѣ, противъ защитника, обложенный грудой книгъ, сидитъ прокуроръ; неподалеку отъ прокурора, за особымъ столомъ, спѣшно пишетъ секретарь суда, а въ срединѣ зала, за большимъ столомъ помѣстились военные судьи. Въ корридорѣ толпятся разночинные и вовсе безчиновные свидѣтели по дѣламъ и зрители дѣлъ. Засѣданіе еще не открыто. Предсѣдатель объявляетъ приговоры «въ окончательной формѣ» оправданнымъ и обвиненнымъ подсудимымъ. Выслушавъ приговоры, подсудимые, по приказанію предсѣдателя, удалились изъ залы засѣданія; а предсѣдатель, объявивъ открытымъ засѣданіе, заявилъ, что разсмотрѣнію суда подлежитъ дѣло о рядовомъ Иванѣ Фирсовѣ Обуховѣ, обвиняе-

момъ въ членовредительствѣ съ цѣлію уклоненія отъ военной службы.

Толпа зрителей, стоявшихъ у дверей, разступилась, и подъ конвоемъ, съ костылемъ, изнуренный, больной и блѣдный, введенъ въ залъ суда рядовой Обуховъ и поставленъ за рѣшетку. Жаль было смотрѣть на несчастнаго. Изъ-за пяти лѣтъ службы загубить всю свою жизнь, остаться до гробовой доски калѣкой, разумѣется, совершенное горе, совершенное несчастіе, и невольно содрогается душа при видѣ такихъ несчастныхъ, какимъ стоялъ за рѣшеткой Обуховъ.

По прочтеніи обвинительнаго акта, на вопросъ предсѣдателя: «подсудимый, признаешь ли себя виновнымъ въ членовредительствѣ съ цѣлію уклониться отъ военной службы?» Обуховъ, со слезами на глазахъ, сознался въ преступленіи.

Униженный страдальческій видъ подсудимаго, сознаніе, увѣчье и печальная пожизненная доля калѣки сильно повліяли на судъ и зрителей.

Военный прокуроръ, обвинявшій Обухова, и тотъ обратился съ просьбою къ суду отнестись къ подсудимому съ снисхожденіемъ. Судъ, дѣйствительно, отнесся къ несчастному снисходительно: Обухова приговорили къ двухнедѣль-

ному аресту на гауптвахтѣ и къ исключенію, какъ вовсе неспособнаго, изъ военной службы.

Такъ печально, такъ нечестно, такъ неблагоразумно покончилъ свою военную царскую службу сынъ вороновскаго управителя и, возвратясь убогимъ на родину, не нашелъ и здѣсь для себя счастья.

XIII.

Тоска... Ужасное это чувство, страшная душевная болѣзнь, убивающая въ человѣкѣ все, что въ немъ есть живого и могучаго. Повидимому, человѣкъ здоровъ, но на самомъ дѣлѣ недужнѣе всякаго больного! Не знаешь, что дѣлать: дѣло изъ рукъ валится. Хочешь ѣсть,—въ ротъ кусокъ нейдетъ. Кого-то ждешь,—самъ не знаешь кого. Чего-то хочешь, — самъ не знаешь чего. Всѣ и все не мило. Жизнь становится тяжестью: просто, не глядѣлъ-бы на Божій свѣтъ.

Въ подобномъ болѣзненномъ состояніи, въ состояніи глубокой сердечной тоски, находилась, проводивши своего дорогого Гришу, Дуняша Кудѣлина. Какъ ей казались безконечно длинными зимнія деревенскія ночи! Лежитъ она, бѣдная, но не можетъ плотно сомкнуть глазъ.

Только заснетъ, едва полузакроетъ свои глаза, и образъ милаго Гриши тутъ какъ тутъ. И дѣвушка снова думаетъ о Гришѣ: гдѣ онъ, что съ нимъ, помнитъ-ли онъ ее? И эти думы, эти грезы не оставляютъ дѣвушку ни днемъ, ни ночью. Дуняша истомилась, похудѣла.

Безконечно тянулась для Дуняши вся зима,—та суровая зима, которая отняла у любимой дѣвушки любимаго друга. Но вотъ наступила и весна, благодѣтельная гостья послѣ долгой, суровой зимы. Бодрость, живость и веселость замѣтно возвращались у дѣвушки съ наступленіемъ весеннихъ дней. Дѣвушка, разумѣется, не забывала своего друга, нѣтъ,—она только привыкала къ разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ, она мирилась со своею долей и мало-по-малу входила въ свою обычную колею. Мать Дуняши безконечно радовалась, видя, какъ ея дочка снова начала походить на прежнюю Дуняшу, здоровую и веселую.

Николинъ день, «вешняго Николы», въ Вороновѣ храмовой праздникъ. Большое село веселится. Молодежь ликуетъ.

Среди села, на площади, огромный хороводъ. Среди хоровода ходитъ стройная, красивая дѣвушка. Это Дуняша Кудѣлина изображаетъ собою плавающую лебедь съ лебедятами,

а за нею—парень, это «младъ ясенъ соколъ», который долженъ «убить лебедь бѣлую, а пухъ пустить по поднебесью». «Точно краля ходитъ», говорили, смотря на Дуняшу, окружавшіе хороводъ мужчины и женщины, дѣти, гости и вороновскіе жители. Но всѣхъ зорче на молодую дѣвушку смотритъ мужской старческій глазъ расхаживающаго взадъ и впередъ около хоровода Фирса Максимыча. Какъ ни заплыли жиромъ глаза управителя, но они зажигаются какимъ-то особымъ огнемъ при видѣ дѣвушки.

XIV.

Сдавши сына въ солдаты, Фирсъ Максимычъ на первое время былъ не въ духѣ. Ходилъ онъ, понуря голову, мрачный, молчаливый. Но это мрачное настроеніе духа, однако, скоро прошло. Въ словахъ, въ движеніяхъ, въ разговорахъ, при внимательномъ наблюденіи, можно было замѣтить нѣчто особенное у управителя. Онъ какъ будто помолодѣлъ: старался ходить браво, одѣваться франтовато, причесываться гладко, точно старый женихъ для своей молодой невѣсты.

Молодится и франтитъ управитель не безъ причины. Сытый старикъ и спитъ, и бредитъ

Дуняшей Кудѣлиной, той самой дѣвушкой, на которую заглядывается вся вороновская молодежь, которую не забываетъ въ чужой, далекой сторонѣ Гриша, которой завидуютъ подруги, что уродилась она такой красивой. Фирсъ Максимычъ очень хорошо зналъ, что Дуняша не прельстится ни его годами, ни его ласковыми словами, а потому и избралъ другое, болѣе могучее средство завязать съ дѣвушкой дружбу. Давно уже Фирсъ Максимычъ купилъ въ городѣ для молодой дѣвушки разноцвѣтной шерстяной матеріи на платье,—давно старикъ прячетъ эту матерію въ своемъ большомъ, кованомъ желѣзомъ, сундукѣ, чтобы не увидали домашніе,—давно ищетъ старикъ случая, какъ бы передать подарокъ изъ рукъ въ руки самой Дуняшѣ, но, какъ нарочно, случая удобнаго не подходитъ, а передавать чрезъ людей неудобно.

Наконецъ старикъ не вытерпѣлъ и, подъ вліяніемъ праздничнаго настроенія, ходя близъ хоровода, любуясь Дуняшей, рѣшилъ, во что бы то ни стало, не медля передать свой подарокъ по назначенію. У Фирса Максимыча была десятилѣтняя внучка, дочь сына Григорія. Эту дѣвочку старикъ и рѣшилъ послать съ подаркомъ.

— Снеси, умница, да чтобы никто не видалъ, вотъ этотъ узелокъ Дуняшѣ Кудѣлиной, наставлялъ уму-разуму маститый старикъ свою внучку, гладя ее по русой головкѣ.

— Ладно, дѣдушка, мигомъ снесу, никто не увидитъ, не бойся.

— Вотъ умница, цѣлый узелъ гостинцевъ за это куплю. Отдай узелокъ да скажи Дуняшкѣ, чтобы она завтра вечеркомъ вышла въ лѣсокъ, за овинъ, поговорить со мной...

Выслушавши наставленіе дѣдушки, внучка взяла узелокъ и направилась къ хороводу, гдѣ гуляла Дуняша и гдѣ за часъ предъ этимъ чинно расхаживалъ Фирсъ Максимычъ. Смѣтливая малютка, подкупленная обѣщаннымъ узломъ гостинцевъ, вела дѣла свои очень аккуратно. Она терпѣливо ждала того времени, когда Дуняша будетъ возвращаться съ гулянья домой, чтобы передать ей дѣдушкину посылочку одинъ на одинъ, какъ наставлялъ внучку старецъ.

Смерклось уже совсѣмъ. Гуляющіе расходились по домамъ, въ хороводѣ пѣли послѣднюю веселую пѣсню: «Вдоль изъ улицы въ конецъ шелъ удалый молодецъ». Но вотъ и пѣсня смолкла. Дѣвицы спѣшатъ по домамъ. Торопливою походкой приближается къ дому и Ду-

няша Кудѣлина. Но внучка Фирса Максимыча обогнала Дуняшу и въ маленькомъ переулкѣ поджидала ее. Лишь только поровнялась Дуняша съ дѣвочкой, малютка, потупя свои сѣрые дѣтскіе глазки въ землю и покраснѣвши, не зная отчего, подала Дуняшѣ подарокъ Фирса Максимыча, причемъ не забыла сказать, что дѣдушка проситъ ее выйдти завтра къ вечеру за овины кое о чемъ поговорить.

По правдѣ сказать, Дуняша сначала не поняла, въ чемъ дѣло. У ней почему то мелькнула мысль, что дѣвочка принесла какую нибудь посылку отъ Гриши, которую могли привезти изъ города съ почты работники управителевы, или даже самъ управитель. Доколѣ Дуняша обдумывала или — лучше сказать — оправлялась отъ неожиданности, какъ это ни было моментально, однако управителевой внучки и слѣдъ простылъ...

Возвратясь домой, Дуняша при своихъ родителяхъ и при всѣхъ гостяхъ, которые только-что садились за столъ ужинать, развернула полученный ею узелокъ и, увидавши шерстяную матерію, сквозь слезы, разсердясь, начала говорить:

— Господи, да вѣдь это управитель мнѣ подарокъ прислалъ! Ахъ, зачѣмъ ты, матушка,

родила меня красивой! Никто то мнѣ проходу не даетъ: ни парни молодые, ни старики старые. Царица небесная, хоть бы оспа меня изрябила! Авось бы отвязались отъ меня...

Затѣмъ, на вопросы родителей и гостей, дѣвушка разсказала, какъ получила отъ управителевой внучки посылку, не умолчала и о томъ, что управитель наказывалъ ей выйдти въ лѣсокъ, за овины.

Оксинья Ивановна, мать Дуняши, только руками развела отъ удивленія и хотѣла бѣжать сейчасъ же къ управителю, чтобы не только кинуть ему его подарокъ, но при всѣхъ плюнуть въ лицо за безчестіе дѣвушки. Отецъ же Дуняши и гости разсудили сдѣлать иначе: они рѣшили отложить дѣло до утра, созвать сходъ, чтобы на міру урезонить стараго управителя, которому совсѣмъ не по годамъ такія дѣла.

Фирсъ Максимычъ, не ожидая и не помышляя о томъ, какой позоръ и срамъ готовится на его сѣдую голову, расхваливалъ и гладилъ по головкѣ свою внучку за аккуратное исполненіе даннаго ей секретнаго порученія.

XV.

Долгою, безконечною кажется короткая весенняя ночь для вороновскаго «счастливца». Какъ ни старается, но не можетъ заснуть тучный старикъ. Слышитъ онъ, какъ бредятъ во снѣ его гости, спящіе крѣпкимъ сномъ послѣ сытнаго праздничнаго ужина; слышитъ, какъ стучитъ маятникъ стѣнныхъ, съ кукушкою часовъ; слышитъ, какъ часы пробили полуночный часъ, потомъ два, потомъ три; слышитъ, какъ около печи суетится съ опарой стряпуха; слышитъ играющій пастушій рожокъ. Ночь прошла, а Фирсъ Максимычъ и глазъ не сомкнулъ. Бѣсъ-Дуняшка такъ и лѣзетъ въ старческую голову. Старикъ съ самодовольною улыбкой представляетъ то удовольствіе, какое предстоитъ ему сегодня въ лѣсу. Ему кажется, какъ на яву, что онъ крѣпко-крѣпко обнимаетъ Дуняшу и цѣлуетъ ее горячимъ поцѣлуемъ въ молодыя, алыя губки...

Съ соображаемымъ горячимъ поцѣлуемъ, управитель, какъ въ былые, давніе молодые годы, быстро вскочилъ съ постели, зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ, потянулся и, наскоро одѣвшись, отперъ столъ, взялъ связку ключей и большимъ ключемъ отперъ громадный сундукъ,

окованный желѣзомъ. Но, едва старикъ приподнялъ тяжелую крышку сундука, руки его опустились, и Фирсъ Максимычъ едва устоялъ на ногахъ.

Случилось вотъ что: изъ большаго сундука управителя пропала маленькая съ большими деньгами шкатулка. Когда пропали деньги, кто ихъ похитилъ, старикъ и самъ не могъ опредѣлить, такъ такъ около мѣсяца онъ вовсе не ходилъ въ этотъ сундукъ и сегодня открылъ свою сокровищницу только для того, чтобы вынуть радужную на всякій случай при свиданіи съ Дуняшей... Но каковъ былъ ужасъ, каковы были удивленіе и отчаяніе старика, когда онъ все перерылъ въ сундукѣ и не могъ найдти шкатулки, въ которой хранилось около двадцати тысячъ!

Какъ ни былъ пораженъ Фирсъ Максимычъ, однако сейчасъ сообразилъ, что денежки похитилъ свой, домашній воръ и не иначе, какъ сынъ Григорій, а всего вѣрнѣе—его жена, хорошо знавшая мѣстохранилище свекровыхъ денегъ.

Не смотря на то, что гости еще спали, Фирсъ Максимычъ поднялъ цѣлую бурю въ своемъ домѣ. Всѣ засуетились. Гости быстро повставали съ своихъ постелей, чувствовали

себя въ неловкомъ положеніи, переспрашивали другъ друга о томъ, что случилось, а Фирсъ Максимычъ, не смотря ни на кого, ревѣлъ, какъ левъ.

— Ты не знаешь ли, сноха? допрашивалъ Фирсъ Максимычъ жену своего сына.

— Почему мнѣ знать? Я не хожу въ вашъ сундукъ. Вѣроятно сами переложили куда нибудь шкатулку да на людей клеплете, отвѣчала хитрая баба сквозь слезы, обиженнымъ тономъ...

Какъ ни топалъ ногами, какъ ни хлопалъ дверями, какъ ни кричалъ, какъ ни ругался Фирсъ Максимычъ, а деньги все-таки не находились. Видно, попали денежки въ надежныя руки.

XVI.

Во время самой кутерьмы въ домѣ управителя въ Вороновѣ тоже происходило большое движеніе. Павелъ Кудѣлинъ (отецъ Дуняши) отправился къ крестьянину Василью Петрову (Гришину отцу), разсказалъ продѣлку управителя и просилъ совѣта, какъ повести это дѣло, чтобы и дочку свою не посрамить, и вывести на свѣжую воду управителя.

Василій Петровичъ прочилъ Дуняшу за сво-

его сына Гришу, какъ только воротится со службы, и, разумѣется, не желалъ, чтобы кто нибудь осрамилъ любимую его сыномъ дѣвушку.

— Я думаю, высказывалъ свои соображенія отецъ Дуняши, слѣдуетъ, Василій Петровичъ, Обухова на міру порезонить немножко. Виданое ли дѣло: старикъ хотѣлъ осрамить дѣвку?

— Теперь дѣло праздничное. Не лучше ли будетъ отложить исторію эту на недѣльку?

— Что же откладывать? Небойсь, онъ, бывало, кого захочетъ резонить, такъ нарочно къ праздничному дню подведетъ, чтобы всѣ видѣли и слышали, какую онъ власть и силу надъ мірянами имѣетъ. Припомни-ка былое-то время.

— Я велю сейчасъ нарядить сходъ. Позовемъ управителя, — увидимъ, что онъ заговоритъ.

Василій Петровичъ служилъ волостнымъ старшиной и, пользуясь правомъ, дѣйствительно созвалъ сходъ.

Исторія управителя быстро облетѣла все Вороново. На сходъ собрались всѣ: старые, малые, хозяева и гости. Дѣло-то было очень любопытное. Какъ только вороновскіе домохозяева собрались около дома старшины, Василій Петровичъ послалъ расторопнаго мужичка за Фир-

сомъ Максимычемъ, чтобы онъ пожаловалъ на мірской сходъ по очень важному дѣлу.

Предполагая, что у кого нибудь изъ крестьянъ отыскиваются пропавшія деньги, Фирсъ Максимычъ, сейчасъ-же съ радостно-бьющимся сердцемъ отправился на сходъ.

— Идетъ, идетъ! разнеслось между мужиками:—управитель идетъ, смотрите!..

Дѣйствительно, переваливаясь съ ноги на ногу, подходилъ къ мірской сходкѣ Фирсъ Максимычъ. Всѣ замолкли. Управитель, по обычаю, взошелъ на середину схода, снялъ картузъ и раскланялся на всѣ стороны. Поклонились и міряне.

Василій Петровичъ, какъ старшина, первый началъ рѣчь.

— Мы, Фирсъ Максимычъ, собрались здѣсь поговорить по вашему дѣлу. Вотъ, Павелъ Кудѣлинъ жалуется всему міру, что вы имѣли намѣреніе навести на худое дѣло его дочь, дѣвицу. По-нашему, по-мірскому, дѣло это нехорошее. Человѣкъ вы почтенный, въ лѣтахъ, внучатъ имѣете,—вамъ бы всѣмъ примѣръ подавать, а не то, чтобы худыя дѣла затѣвать. Хорошо, что на умную, степенную дѣвицу напали, а то долго ли до грѣха? Теперь, при всемъ мірѣ, Павелъ Кудѣлинъ возвращаетъ вамъ подарокъ, что при-

слали вы его дочери, а мы всѣмъ міромъ разсудили объявить вамъ, что дѣло вы затѣяли нехорошее. По-нашему, и отъ Бога грѣхъ, и отъ людей стыдъ.

— Ну, не то что особо важное дѣло, загалдѣли почитатели Фирса Максимыча и постоянные посѣтители его трактира:—убыло, что ли, дѣвкѣ отъ того, что почтенный человѣкъ подарочекъ сдѣлалъ? Право, не велика барыня-то Дуняшка Кудѣлина.

— Велика—невелика, а все-таки она дѣвушка честная, и безчестить, позорить ее нехорошо, возражалъ старшина.

— Да что много толковать? Фирсъ Максимычъ намъ для праздника поставитъ три ведерочка,—вотъ и дѣлу конецъ, заявляли умѣренные люди.

А Фирсъ Максимычъ стоитъ, точно громомъ пораженный: гдѣ онъ, что съ нимъ — самъ не знаетъ. Голова его кружится, глаза наливаются кровью, предъ глазами ходятъ облакомъ огненныя искры, духъ управителя едва переводится, но не отъ стыда, не отъ безчестья, а отъ сильной злости. Фирсъ Максимычъ — вороновскій управитель, гроза мужиковъ, на этомъ самомъ мѣстѣ нѣкогда читавшій княжескія письма кре-

стьянамъ—теперь выслушиваетъ наставленіе мірянъ-лапотниковъ... Не стерпѣлъ Обуховъ.

— Запорю, подлецы! вдругъ проревѣлъ неистово вороновскій управитель, точно такимъ голосомъ, какимъ онъ оралъ, бывало, въ «свое время», а затѣмъ, какъ безумный, бросился бѣжать къ своему дому.

Толпа молча разступилась. Молодежь первая засмѣялась. Ура! ура! закричали ребятишки, и управитель, сопровождаемый крикомъ и смѣхомъ, скрылся изъ глазъ тысячной мірской сходки.

Міряне пошумѣли, посмѣялись и начали расходиться по домамъ угощать своихъ гостей, да и самимъ не мѣшало опохмѣлиться.

Не успѣли крестьяне совсѣмъ разойтись со сходки, вдоль Воронова мелкою рысцей, запряженная въ немудрую телѣжку, трусила крестьянская лошадка. Въ телѣгѣ пожилой мужичекъ сидѣлъ и подгонялъ лошадку, а молодой, съ изнуреннымъ, худымъ, желтоватымъ лицомъ, парень лежалъ въ телѣгѣ. Рядомъ съ парнемъ лежалъ костыль. Лошадка подъѣхала къ управителеву дому, и изъ телѣги съ помощію мужичка и костыля вышелъ Иванъ Фирсычъ. Какъ не-

способный, исключенный изъ военной службы, Обуховъ возвратился на родину. Спѣшилъ было онъ поспѣть къ храмовому празднику, но къ первому дню праздника не поспѣлъ, да и теперь засталъ плохое празднество въ домѣ родителя...

Весь день въ Вороновѣ только и было разговору объ управителѣ да объ его калѣкѣ-сынѣ Иванѣ. На-ряду съ этими именами можно было слышать и имя Дуняши Кудѣлиной. Вечеромъ того же второго дня вороновскаго праздника случилось то, что имя управителя только и слышалось въ домахъ и на улицѣ, между взрослыми и между дѣтьми.

XVII.

Въ большихъ городахъ выдающіяся новости дня сообщаются газетами, а въ деревняхъ всякая новость распространяется дѣтьми. «Не спрашивай стараго, а спрашивай малаго», говоритъ пословица.

Вотъ какую новость,—новость для Воронова важную,—къ вечеру того дня, въ который Фирса Максимыча выводили на сходъ, разнесли мальчуганы по Воронову. Въ разноцвѣтныхъ рубашкахъ дѣти бѣжали отъ пруда съ крикомъ: «управитель утопился, утонулъ, совсѣмъ захлебнулся».

Да, Фирсъ Максимычъ покончилъ съ собой. Лежитъ его синебагровое, и безъ того толстое, а теперь еще опухшее, бездыханное тѣло на берегу пруда и ждетъ становаго, а мужички стерегутъ и день и ночь, чтобы кто не похитилъ мертваго тѣла управителя: а то, упаси Богъ, и не раздѣлаешься! Мужички ночью развели огонь и, сидя кругомъ костра, ведутъ между собою рѣчь объ утопленникѣ.

— Нечего сказать, царство небесное, крутенекъ былъ Фирсъ Максимычъ въ свою пору. Бывало, братъ, за полверсты предъ нимъ шапку-то скидали. Самъ князь не въ примѣръ простѣе былъ управителя.

— Теперь у ребятъ послѣ покойнаго все вверхъ дномъ пойдетъ. Григорій-то сталъ больно часто закладывать, а солдатъ-то, ну-ка, какъ изувѣчилъ себя: совсѣмъ никуда негоденъ.

— А слышали, у покойника-то денежки сцапали? Вишь: всю бездну его прибрали. Вотъ, вѣдь, диковина: кому бы кажись? Заперто крѣпко. Кто нибудь изъ своихъ.

— Вѣстимо дѣло, изъ своихъ. Сноха, кому больше-то? Она баба съ подъегонцемъ, промаху не дастъ...

Затѣмъ разговоръ сторожевыхъ мужичковъ дѣлался рѣже и рѣже, и рѣчь замѣнилась хра-

пѣніемъ. Сторожа уснули. Спитъ вѣчнымъ сномъ и Фирсъ Максимычъ, и не проснется онъ долго, долго...

Со смертію управителя, дѣйствительно, какъ предсказали опытные мужички, весь его домъ, все его большое, скопленное десятками лѣтъ, хозяйство пошло прахомъ. Григорій послѣ смерти отца нѣсколько поддерживалъ торговлю, но затѣмъ спился съ кругу и бросилъ торговлю. Жена бросила его и съ денежками уѣхала въ городъ. Братья раздѣлились; домъ и трактиръ продали. Григорій пошелъ по фабрикамъ, а Иванъ Фирсычъ началъ жизнь калѣки перехожаго,— гдѣ день, гдѣ ночь. Ходилъ онъ по монастырямъ, питался подаяніемъ Христовымъ, поданныя ему трудовыя копѣйки пропивалъ, а въ концѣ концовъ, въ одну морозную зимнюю ночь, замерзъ на чистомъ полѣ и своею смертью надѣлалъ не мало хлопотъ ближайшей деревушкѣ.

Такъ-то кончилась жизнь вороновскаго управителя и «рухнулъ», какъ выражаются крестьяне, огромный домъ его. Теперь мертвымъ управителемъ матери иногда пугаютъ своихъ плачущихъ дѣтей, а живаго, въ былое крѣпостное время, онѣ сами боялись.

Долго не только въ Вороновѣ и Вороновской волости, не только деревня, но и городъ толко-

валъ о судьбинѣ вороновскаго управителя Фирса Максимовича Обухова, и говорили бы отъ нечего дѣлать, быть можетъ, о немъ еще дольше, но русскій народъ, русскій городъ, русская деревня, вся русская земля заговорили о такомъ событіи, которое близко и дорого всякому русскому сердцу,— событіи, которое заставляло забыть всѣ другіе случаи. Разговоръ, о которомъ мы упоминаемъ, относится къ русско-турецкой войнѣ, которую мы переживали три года назадъ.

Вся русская мысль, вся русская земля отъ края до края нашего пространнаго отечества съ понятнымъ интересомъ слѣдила за ходомъ не легкой войны. Не будемъ описывать военныхъ ужасовъ. Война—дѣло трудное, и потому русское правительство употребляло всѣ свои усилія, чтобы избѣжать войны—этой человѣческой бойни; но Турція вывела Россію изъ терпѣнія и вызвала на свою голову войну...

Не говоря о войнѣ, перейдемъ къ замиренію. Прекратился свистъ пуль, замолкли стоны раненыхъ, забилось радостно солдатское сердце при мысли о скоромъ возвращеніи на родную сторонушку, гдѣ ихъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ отцы, матери, сестры, братья, жены, друзья, невѣсты. И вотъ, славныя русскія войска возвращаются въ свою матушку-Россію. Загорѣлые, оборван-

ные, похудѣвшіе, болѣзненные, а все-таки веселые, съ пѣснями и музыкой идутъ храбрые солдатики. На ряду съ солдатами идутъ и ихъ начальники, офицеры; тоже и поустали, и пообор-вались: мундиры оборваны, сапоги стоптаны, а все-таки бравы и веселы.

XVIII.

Много ночей не спитъ Дуняша Кудѣлина. Прислушивается бѣдная дѣвушка къ каждому стуку двери, смотритъ въ окно на каждаго проѣзжаго. Это ждетъ Дуняша съ войны дорогаго ей Гришу. Не измѣнила она ему: попрежнему любитъ его; попрежнему носитъ милый для нея его образъ и день и ночь въ своемъ любящемъ сердцѣ. Но что же это онъ не возвращается? Срокъ службы кончился. Вотъ уже и двое товарищей Гриши возвратились прямо съ войны въ Вороново. Сколько они горюшка, сердечные, видѣли, чего, чего не разсказываютъ, но гдѣ Гриша—сказать не могутъ. Одно они знаютъ—что во время нашихъ іюльскихъ неудачъ, во вторую атаку «Плевны», осьмнадцатаго іюля тысяча восемьсотъ семьдесятъ седьмаго года, русскія войска, предводительствуемые генераломъ Криденеромъ, были отбиты отъ Плевны и раз-

биты турками. Жаркое было дѣло. Многіе, очень многіе положили жизнь свою подъ какою-то Плевной, о которой прежде и не слыхали, которую турки точно родили на славу себѣ. Въ эту вторую неудачную атаку Плевны товарищи видѣли Гришу, но, остался-ли онъ живъ, сказать не могли; въ этотъ день сами ранены были, ничего не помнятъ...

Гриша тоже раненъ былъ подъ Плевной осьмнадцатаго іюля. Вражья пуля угодила прямо въ голову Гришѣ. Раненый, обливаясь кровью, упалъ въ лужу человѣческой крови. Гриша не чувствовалъ ни боли, не сознавалъ, что съ нимъ, гдѣ онъ; не слыхалъ онъ ни стоновъ товарищей, ни свирѣпаго свиста пуль. Онъ не зналъ, живъ онъ или нѣтъ; не слышалъ, какъ несли его на перевязочный пунктъ; не ощущалъ боли, когда везли его въ подвижной госпиталь не въ роскошной повозкѣ, а въ русской простой телѣгѣ...

Какъ ни серьезна была рана Гриши, однако больной пришелъ въ себя и началъ подавать надежду на выздоровленіе. Правда, пришедши въ себя, мучимый невыносимою болью и адскою жаждой, Гриша искренно желалъ умереть, но по мѣрѣ облегченія, жизнь начала казаться снова пріятною, и образъ милой Дуняши постепенно воскресалъ въ страждущей груди раненаго Гриши.

Съ постепеннымъ заживленіемъ раны, раненый нашъ постепенно приближался къ русской границѣ, переводимый изъ одного госпиталя въ другой. Но, вотъ, Гришу, хотя еще больнаго, привезли и въ Россію и помѣстили въ госпиталь «Краснаго Креста».

Помѣщеніе, пища, уходъ, лѣченіе, вниманіе къ больнымъ поражали Гришу. «Точно въ рай попалъ я», думалъ про себя выздоравливавшій больной. Но какъ ни хорошо въ госпиталѣ, а все бы домой лучше. «Что-то тамъ дѣлается, какъ-то поживаетъ Дуняша, что-то она дѣлаетъ?» думаетъ Гриша, лежа на удобной койкѣ. Но, вотъ, глаза больнаго закрываются. Видитъ Гриша на яву, что онъ возвратился въ Вороново, сидитъ рядомъ съ Дуняшей, разсказываетъ ей о войнѣ, и она такъ ласково глядитъ ему въ глаза, и Гришѣ такъ пріятенъ этотъ милый взглядъ, ему дѣлается такъ легко, такъ хорошо, что даже отъ радости бѣдняга просыпается и, къ несчастью, убѣждается въ томъ, что онъ видѣлъ Дуняшу только во снѣ. Но пришелъ и тотъ день, пришелъ тотъ часъ, когда Гриша обнялъ Дуняшу не во снѣ, а на яву. Этотъ часъ, радостный часъ и для Гриши, а съ нимъ вмѣстѣ и для Дуняши, не забудется до гробовой доски.

Г 1909

XIX.

Теплая, благодатная іюльская ночь. Ароматъ полевыхъ цвѣтовъ наполняетъ прохладительно-теплый ночной воздухъ. Тишина. Ничто не шелохнетъ, ничто не прогремитъ. Спитъ крѣпкимъ сномъ большое пришоссейное село Вороново. Днемъ мужички возили навозъ въ поле, пріустали и крѣпко заснули. Не спится одной Дуняшѣ Кудѣлиной. Сердце ее такъ сильно бьется. «Либо къ горю, либо къ радости», думаетъ дѣвушка и, вставши съ постели, открываетъ на улицу окно. Утренняя заря занялась, и начало свѣтать. Вдоль Воронова, съ сумкой за плечами, въ сѣрой шинели, съ двумя Георгіями на груди, съ радостно бьющимся сердцемъ, спѣшитъ къ родительскому дому унтеръ-офицеръ Григорій Васильевичъ Гальяновъ. Всматриваясь въ прохожаго кавалера, Дуняша узнаетъ Гришу, выбѣгаетъ на дорогу, и первый поцѣлуй, первое объятіе въ родномъ селѣ Гриша получаетъ отъ родной, дорогой для него Дуняши. И это уже на яву, а не во снѣ...

Н. И. Соловьевъ.

СОЛДАТСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ВОЕННО-НРАВСТВЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ—Н. В. ТХОРЖЕВСКАГО.

1-й комплектъ (4 изданіе).

		к.
*1.	Царская награда	4
*2.	По Суворовски	5
*3.	Два солдата	5
*4.	Сонъ	7
*5.	Дикій человѣкъ	4
*6.	Надежные солдаты	4
*7.	Кто?	5
*8.	Пить до дна-не видать добра	4
*9.	Двумъ смертямъ не бывать	4
*10.	Геройская смерть	4
*11.	На тигровъ	4
*12.	Конвойный	4
*13.	Чужое добро	4
*14.	Медвѣдь	3
*15.	Самозванный генералъ	3
*16.	Персидская шаль	4
*17.	За Богомъ молитва	6
*18.	Въ плѣну	10
*19.	Солдатъ	4
*20.	Награда	4

2-й комплектъ (4 изданіе).

		к.
*21.	Счастливецъ	3
*22.	Галей Хузинъ	2
*23.	Какъ Кошкинъ получ. крестъ	3
*24.	Береги лобъ	4
*25.	Прыжокъ по царск. повелѣн.	3
*26.	Нѣтъ худа безъ добра	5
*27.	Ротная собака	5
*28.	Все отъ Бога	3
*29.	Случай въ набѣгѣ	4
30.	Драгунъ и чортъ	4
*31.	Музюрбайка	3
*32.	Свѣтъ не безъ добрыхъ людей	6
*33.	Полоса	6
*34.	Лихая атака	4
*35.	Двадцать пять рублей	9
*36.	Хорошій деньщикъ	4
*37.	Солдатское горе	5
*38.	Сиротка	7
39.	На мирныхъ квартирахъ	8
40.	На войнѣ. ком. въ 2-хъ д.	16

3-й комплектъ (2 изданіе).

		к.
*41.	Ночная атака	7
42.	Солдатскій праздникъ	7
43.	Съ охотниками въ набѣгъ	5
*44.	Завтракъ подъ пулями	4
45.	Генералъ Кукушкинъ	2
46.	Первая смерть	4
*47.	На медвѣдя	4
*48.	Смѣлымъ Богъ владѣетъ	5
49.	Самоваръ турки украли	3
*50.	Что посѣешь, то и пожнешь	4
51.	Кавалеръ	19
*52.	Съ неба свалилось	3
*53.	Лайка	3
*54.	Изъ былого	3
55.	На ловлю за турками	3
*56.	Историческій разсказъ	9
*57.	Красавецъ солдатъ	4
*58.	Бабушка Арина	8
*59.	Богъ не безъ милости	4
60.	Рождественская ночь	4

ПОЛНЫЕ КОМПЛЕКТЫ, т. е. по 20 разсказовъ вмѣстѣ:

1-й вмѣсто 92 к. . . . **90 к.** : съ пересылкой . 1 р. 10 к. :

2-й вмѣсто 1 р. 04 к. . . . **1 р.** : съ пересылкой . . 1 р. 20 к. :

3-й вмѣсто 1 р. 05 к. . . . **1 р.** : съ пересылкой . . 1 р. 20 к.

10 ОДИНАКОВЫХЪ КОМПЛЕКТОВЪ КАЖДАГО РАЗСКАЗА: 1-й вмѣсто 9 р. 8 р. съ пересылкой. 2-й вмѣсто 10 р. 9 р. съ пересылкой. 3-й вмѣсто 10 р. 9 р. съ пересылкой.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО СКЛАДА В. А. БЕРЕЗОВСКАГО, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОКОЛЬНАЯ, 14.

☞ Отмѣченные знакомъ * ДОПУЩЕНЫ Мин. Народн. Просв. въ библіотеки низш. училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.